

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Хрестоматия
по политической антропологии

Том 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

«СОГЛАСЕН ОТЕЦ — СОГЛАСЕН БОГ»
(К проблеме власти и управления в культуре народов
Центральной Азии)*

Плутарх говорит что «домом и очагом его» водительствоует каждый, в то время как «водительствовать царствами и государствами случается немногим» [22, с. 252]. Слова древнегреческого писателя и историка подвигли меня проанализировать, каким образом соотносятся «водительство» домом и очагом и государственное управление («водительство»). Действительно, и сегодня глава государства Центральной (Средней) Азии зачастую именуется *отцом нации*, в результате чего население такого государства уподобляется *семейству*. Словом, речь пойдет о политической культуре народов Центральной Азии, и прежде всего таджиков, населяющих не только территорию Республики Таджикистан (РТ), но и такие исторические центры, как Самарканд, Бухара на территории Республики Узбекистан (РУ). Следуя логике заявленной темы, начну с анализа основ власти и управления с традиционной таджикской семьи.

Принято считать, что господствовавшая в прошлом большая патриархальная семья у таджиков уже в начале нашего века потеряла свою самостоятельность; хотя ее некоторые характеристики сохраняют значимость и в наше время [19, с. 13–24]. В процессе развития этой архаической формы семейной общины выделилась «неразделенная семья» [19, с. 14], а последняя «фракционировала» в малую (нуклеарную) семью, состоящую из одной брачной пары с детьми (в ряде случаев она включает одного или обоих престарелых родителей главы семьи). Наши полевые наблюдения в районах Центральной Азии показывают, что в настоящее время главную роль играет малая семья, удерживая, однако, многие черты, которые были характерны для больших патриархальных и неразделенных семейных отношений [11, с. 47].

* Этнические аспекты власти / Под ред. В. В. Бочарова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995 (печатается с изменениями и сокращениями).

© Р. Р. Рахимов, 2007

Будучи, как правило, патрилинейным и патрилокальным образованием, современная сельская семья, отпочковавшаяся (главным образом в советский период) из неразделенной семьи, начинает интенсивно терять черты еще недавно господствовавшей эндогамности. Представляется целесообразным начать разговор с характеристики властных отношений в неразделенной семье.

1. Лидерство в неразделенной семье. Большая патриархальная семья у таджиков в горных районах основывалась «на принципах агнатного родства. Такие семьи обычно состояли из одного или нескольких стариков-братьев или агнатных двоюродных братьев с их женами, их сыновей, женатых на девушках, взятых из других семей, а также незамужних дочерей, выдававшихся затем, как правило, замуж в другие семьи, детей этих сыновей, т.е. внуков старшего поколения — сыновей постоянно, дочерей до замужества, — а также часто детей внуков старшего поколения, т.е. правнуков» [11, с. 31–32]. Каждая малая семья этого рода — муж, жена и малолетние дети — занимала отдельное помещение. Неразделенная земля, которая была коллективной собственностью семьи, обрабатывалась ее собственными силами. Пища готовилась для всех в общем котле. Ели все вместе. Она «раскладывалась отдельно для старших мужчин, отдельно для мужчин помоложе, женщин, подростков». Глава семьи именовался *калони хона* или *калонтари хона*, т.е. «большой или наибольший в доме» (по нашим наблюдениям, в форме *калон* глава семьи именуется и в наше время). Чаще всего это был старший в семье мужчина. После его смерти преемником его становился обычно старший сын. «Все слушались его беспрекословно, и никому не могло прийти в голову выйти из повиновения главы семьи» [11, с. 36]. Домашними женскими делами ведала старшая женщина. Молодые члены патриархальной семьи, подростки и дети были всецело подчинены авторитету старших, которые, в свою очередь, обычно повиновались главе общины. Домоправительницей была мать [11, с. 38, 41].

Элементы большой патриархальной семьи сохранялись в неразделенной семье, представлявшей собой значительный коллектив разновозрастных и разнопоколенных людей — два-три, иногда и более женатых сыновей с их детьми; встречались случаи, когда семья включала также женатых внуков, разведенных дочерей, сестер с их малолетними детьми и т.п. Как и во многих странах Востока, выразителем ее единства выступали наделенные авторитетом, правами и властью престарелые родители, которые в каждом конкретном случае могли одобрить или, наоборот, не одобрить то или иное поведение членов первичной ячейки. Поэтому малая семья в реализации своих идей и планов лишалась самостоятельности и независимости при выборе жизненного пути. Полагалось решения малых ячеек согласовывать с установками

главы семьи (*калони оила*), которые были ориентированы на поддержание равновесия в жизни неразделенной семьи. Это давало право ее главе держать в своих руках практически всю полноту властно-управленческих функций. Семейный клан обычно назывался его именем. Поэтому всякого рода приглашения на семейные события односельчан или на мероприятия общественного характера адресовали ему; в необходимых случаях делалась формальная оговорка, что он приглашается с членами его семьи (*атли оила*). Под *атли оила* понимались женатые сыновья или внуки.

Калони оила как представитель клана участвовал во всех внешних сношениях. Привилегии *калони оила* распространялись на многие другие бытовые моменты. Он имел свое постоянное, наиболее почетное место при сборах членов семьи по различным поводам, торжественных или траурных ритуалах. Их имена при жизни или после смерти наследовали внуки. В таком случае окружающие обращались к этим детям не по их реальным именам, унаследованным от умерших или живых предков, а по соответствующим терминам родства (подробнее см. [23]).

Глава неразделенной семьи концентрировал социально-экономические нужды и потребности ее членов. Его непосредственное участие в трудовых процессах, вследствие преклонного возраста, носило усиленный характер. Тем не менее он оставался лидером семейного клана. «Символом власти старейшины являлись ключи от различных помещений и кладовых. Все имущество семьи находилось в руках *калонтари хана* — рабочий скот, сельскохозяйственные орудия, запасы зерна, различное сырье» [11, с. 36]. Это в полной мере относилось и к главе неразделенной семьи — *калони оила*. Даже в наше время женатые сыновья, живущие в родительском доме, зарплату и другую выручку отдают отцу, который распределяет их по своему усмотрению на нужды всей семьи. Часто случается, что престарелые отцы в ведомостях учета зарплаты расписываются за сыновей и получают, таким образом, причитающуюся тем зарплату. Это считается нормальным явлением. *Калони оила* остальными членами семьи воспринимается как управитель. Его авторитет как руководителя зиждется на том, что он воспроизвел семью и семейную традицию, на опыте и знаниях. *Калони оила* отправляет семейные обряды и ритуалы.

В прошлом права и обязанности *калони оила* более зримо ощущались в идеологической жизни семьи. На него смотрели как на старца (*пир*), у которого «мудрость опытами жизни приобретена» [7, с. 24]. Окружающие относились к нему как к лицу, воплощавшему живую память в ее концентрированном выражении, как к носителю не только традиции семьи, но и этнической культуры в целом. Седобородый старик олицетворял собой живого прародителя семейного клана. Поэтому, пока старик жил, никто не оспаривал его власть и не претендовал

на нее. Знание позволяло главе семьи в необходимых случаях апеллировать к опыту предшествующих поколений. Старцам, перешагнувшим пик наибольшей активности в жизни, обычно свойственна высокая нравственность и приверженность морально-этическим нормам и принципам. Они служили табулой жизни; прожитая ими жизнь была эталоном для других, которую те стремились воспроизвести. Глава неразделенной семьи был для ее членов главным религиозным авторитетом. Это не только приносило уважение, но и создавало установку на повиновение ему. В вопросах обрядности и религиозной идеологии *калони оила* воспринимался остальными членами как последняя инстанция.

Вообще деды и бабки — знатоки культуры предков — в первую очередь формировали духовные потребности детей, вводя их в мир традиционной культуры, рассказывали им сказки, притчи, мифологические предания, создавали различные игровые ситуации. Они поощряли активность детей в процессе вхождения в жизнь взрослых. Привязанность к дедам и бабкам была связана еще с тем, что те не прибегали к репрессивным методам воспитания, создавая атмосферу эмоционального и психологического тепла. Эти бескорыстные воспитатели в представлении детей являются их надежными защитниками, особенно в тех случаях, когда родители или братья и сестры иногда в порыве гнева допускают чрезмерную строгость к ним. Общение с внуками полезно и для стариков, которые через них знакомятся с новыми «ненормальными» формами поведения, которые в результате начинают получать у них «нормальную» оценку. В целом деды и бабки служат эталоном поведения не только для детей, синтезирующих традицию и современность, но и для взрослых членов родительской семьи в ее максимальном варианте. Не случайно современная политическая элита все же часто обращается к авторитету местных стариков, и даже создаются советы старейшин с консультативными функциями.

В Кабуснаме мы находим наставления о том, как детям и юношам следует обращаться со стариками. Если юноша делает что-либо ненадлежащее, старец стремится воспрепятствовать ему в этом, «ибо старцы знают многое, чего юноши не знают» [27, с. 34]. Автор средневекового сочинения остерегает сына от глумления и возвеличивания себя над стариками. «Старец-то своего желания добился и плоды его пожал, а юноше хуже: может быть, он добьется этого желания, а может быть, и нет» [27, с. 34]. Средневековый педагог настоятельно рекомендует сыну уважать стариков, «ибо, если грубить старикам, отвечать придется» [27, с. 34]. В этой связи Унсуралмаали Кайкаvus приводит в назидание сыну следующий рассказ: «Слышал я, что был один столетний старец. Согнулся он пополам и шел, опираясь на посох. Юноша в насмешку сказал: “Эй, шейх, за сколько ты этот лук

купил, я себе тоже куплю". Старик ответил: "Если доживешь, да по-
дождешь, так и даром тебе подарят"» [27, с. 34]. Писатель призывает
сына к сострадательному отношению к старикам. «Ведь жизнь чело-
веческая подобна солнцу: солнце юношей на восточном горизонте, а
солнце стариков на горизонте западном, и знай, что солнце, которое
на западном горизонте, уже садится» [27, с. 35]. И сегодня современ-
ные «отцы наций» в Центральной Азии часто апеллируют к мнению
стариков, создавая, таким образом, видимость их востребованности в
делах государственной важности.

2. Лидерство в малой семье. Малая семья представляет собой
триединый мир отцовства, материнства и детства. В статусном отно-
шении первую позицию табели о рангах занимает отец семейства, за
которым следует жена (мать) и дети в зависимости от возраста. За
каждым звеном единой цепи, образующей семью, закреплён опреде-
ленный набор видов деятельности. Существующая схема иерархиче-
ских отношений, которая разграничивает функции и обязанности по
полу и возрасту, в конечном счете отражает объемы прав, притязаний
и обязанностей каждого члена семьи.

Как в советский период, так и в новое время внедомашние функции
в большинстве своем закреплены за мужем, в то время как домашние
роли ассоциируются преимущественно с женой. Разграничение ролей
на собственно мужские (отцовские) и на собственно женские (материн-
ские) носит нормативный характер. В наборе ролей, закрепленных за
мужем и отцом, господствуют два направления. Во внутрисемейных
ролях муж (отец) заботится об обеспечении жены и детей жильем,
пропитанием и одеждой. Советский строй создал условия для вовле-
чения женщин в различные сферы производства, науки, культуры, об-
разования, медицины и т. д. Но семейным бюджетом все равно ведал
глава семьи. В его ведении находятся ключевые позиции, а именно во-
просы обмена, купли и продажи излишков скота, имущества и других
ценностей. Муж и отец занимается сельскохозяйственными работами,
несет обязательства по строительству или ремонту жилища и других
строений.

Второе направление деятельности женатого мужчины связано с
реализацией властно-управленческой функции. Он не только сам тру-
дится на благо семьи, но и направляет деятельность остальных членов
семейного коллектива, отдавая распоряжения относительно заготовки
сена, ухода за домашними животными, обеспечения семьи топливом.
Он принимает решения в связи с организацией и проведением семей-
ных обрядов (обрезание сыновей, свадьбы, похороны, поминки). Отец
возглавляет домашние культовые церемонии, наделен правом прие-
ма приезжих и местных гостей. Обычно он — член местных органов
самоуправления (*маслихат*; *мачлис*) или инициативных групп, член

«мужского дома» [25]. Мужу (отцу) принадлежит также обязанность поддержания мира и согласия в семье, обеспечения ее безопасности; он регулирует взаимоотношения семьи с окружающими. Можно сказать, что именно на обязанности главы семьи кормить и содержать семью и покоятся основы *Patria Potestas* [21, с. 115]. Эти обязанности определенным образом выступают выражением «легитимации» прав и притязаний мужа (и отца) на повиновение ему остальных членов.

Об основных обязанностях отца кормить и содержать сыновей до совершеннолетия, а дочерей до выхода замуж говорится еще в Сасанидском судебнике [21, с. 115]. То же мы находим в уже упоминавшейся Кабуснаме. Здесь, как и в Коране, родители выступают как бы равновеликими субъектами правовых отношений. С точки зрения автора Кабуснаме, «наименьшая причина уважения к отцу и матери уже хотя бы то, что они оба — посредники между тобой (сыном. — *P. P.*) и Творцом твоим. . . И поскольку ты уважаешь Творца своего, соответственно тому нужно уважать и посредников» [276, с. 20]. Одним словом, родителей следует уважать на том основании, что они посредники между богом и детьми. Подобная концепция отношений «родители—дети» отражена и в Коране, согласно которому любовь детей к родителям должна уступать лишь перед верой. Там говорится: «И завещали мы человеку его родителей . . . Благодари меня и твоих родителей» [14; 31; 34].

Унсуралмаали Кайкавус, уделивший большое внимание вопросам воспитания, остерегает сына от возможного пренебрежения правами родителей. Ссылаясь на коранический стих: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и повелителю вашему», он уточняет, что «повелитель — тот, у кого и приказ и власть. А отцу и матери дана власть вскормить и приказ научить» [27, с. 20]. Здесь перед нами выступает еще один образ родителей: они — повелители. Отношение к родителям как к повелителям базируется на их «власти вскормить». Концепция власти, основанной на обязанности кормить и содержать, обязывает родителей давать своим детям тот объем заботы и опеки, что получали они сами от тех, от кого родились. По Унсуралмаали Кайкавусу, в этом случае власть родителей обязывает их поступать с детьми так, как если бы с ними поступали их собственные родители. Важно подчеркнуть, что уважение детей как получающих «пропитание» [27, с. 17] к родителям у автора Кабуснамы зиждется на признании первыми права и власти вторых как «подателей» средств существования [27, с. 17].

Коран и Кабуснаме не разграничивают властных функций родителей; детям предписывается к ним одинаковое уважение и повиновение. Из этого следует, что в традиционном обществе домашние обязанности, выполняемые замужней женщиной, и внедомашние обязанности,

ассоциирующиеся с женатым мужчиной, не могут быть сопоставимы друг с другом с точки зрения значимости одних и незначимости других. Они представляют собой одинаковую ценность. Это позволяет понять, почему автор Кабуснамы ставит знак равенства в отношении детей к отцу и матери. Хотя в другом месте своего сочинения он призывая сына к выполнению «велений Господа Всевышнего», утверждает, что веление состоит в том, «чтобы почитать отца твоего» [27, с. 20]. По-видимому, это мотивировано еще доисламской традицией. Так, А. Г. Периханян отмечает, что в нескольких статьях Сасанидского судебного говорится о неповиновении детей отцу, причем проступок этот приравнивается к неповиновению раба господину [21, с. 114]. Необходимость почитания отца вытекает также из отмеченных выше основных особенностей самой традиционной семьи как патриархального, патрилокального и патрилинейного института.

Материализация властных функций главы семьи в повседневной жизни современных таджиков выражается в том, что он охраняет женскую верность. Еще в относительно недавнем прошлом женщине запрещалось выходить из дома без покрывала (*фаранджи*) с лицевой занавеской (*чишмбанд*). Глава семьи должен был оберегать от взоров посторонних мужчин не только жену, но и взрослых дочерей. В вопросах воспитания отец реализует свои властные функции, используя различные меры наказания, предупреждения, одобрения или неодобрения соответствующего поведения членов семьи. В вопросах нравственного воспитания отец прибегает к наставлениям, назиданиям или разного рода апелляциям.

Посягательство на авторитет главы семьи со стороны детей расценивается как акт величайшего греха, наказуемого на том свете. Соблюдение авторитарного положения отца выражается в том, что во время поучений детям полагается слушать его в позе смирения, опустив голову. Им нельзя смотреть в этот момент отцу в глаза. Это квалифицируется как выражение вызова или проявление неповиновения, а потому недопустимо и наказуемо.

Эгоцентризм главы семьи по его отношению к жене и детям имеет определенное ритуализированное оформление. У современных таджиков жених во время свадебного обряда именуется *ша* (шо/х), т. е. «князь», «царь», «государь»; другие (диалектные) формы этого термина — *подшо*, *пошшо* (*поччо*) [10, с. 96 и след.; 24, с. 72]. На Зеравшане родственники со стороны жены обращаются к ее мужу, называя его термином *поччо*. Теперь этот термин выражает просто идею «зять».

Существует табу на употребление его личного имени женой и детьми; жена обращается к мужу, называя его именем первого по времени рождения ребенка или адресуя ему выражение *дадеш* (Самарканд, Ходжент), т. е. «отец наших детей». Владыка семьи имеет

голько ему принадлежащее место в жилом помещении. Оно — обычно у задней стены, считается наиболее почетным; место уступается лишь старшему по возрасту или гостю. Главенствующее положение первого лица семьи выражается в том, что он первым начинал трапезу, ел отдельно от женщин и детей, которые ему при этом прислуживали [11, с. 42]. Раньше в богатых семьях, если не было на то особых причин, не полагалось обедать без мужа и отца. Обед, необходимым элементом которого была горячая пища, как правило, приурочивался к приходу домой главы семьи, т. е. к вечеру. Исключение составляли выходные и праздничные дни. В дневное время остальные члены семьи обходились чаем с лепешками, молочными продуктами, свежими или сухими фруктами.

Глава концентрировал в своих руках экономическую сферу жизни семьи. Основная часть семейной собственности ассоциировалась с именем мужа и отца. Он ведал также религиозной сферой жизни семейного образования. Когда дети обращаются к отцу, называя его *до-до/дада* («отец», «папа»), они его воспринимают как источник добра и подспудно у них рождается к нему отношение как к творящему добро началу.

Существовавшие образы первого лица семейной иерархии — владыка, повелитель, посредник между богом и детьми ставили его практически на одну ступеньку с пророком, который, согласно принципу политии в странах традиционного распространения ислама, считается наместником Аллаха на земле. Сакральность власти первого лица семьи утверждала принцип единовластия, способного не только организовывать, не только обеспечивать материальную и духовную потребности жизни подвластных членов, но и охранять, а в необходимых случаях и спасать их. Перефразируя слова С. Л. Франка, можно сказать, что права и обязанности мужа и отца на отправление властных функций «суть производные следствия из его единственного права — права на служение» [28, с. 399]. Все это вместе взятое требует послушания и следования примеру и призывам главы современной семьи. Для реализации своих властных функций он прибегает к использованию или применению соответствующих форм наград, поощрений или, наоборот, пресечения действий, которые могут угрожать нормальному функционированию родственной группы.

Тут нужно вспомнить термин *кадхуда* (в разговорной форме *кас-лудо*). В современной таджикской среде Ферганской долины, а также на Зеравшане пожилые люди употребляют его для обозначения социально-возрастной группы женатых мужчин. *Кадхуда*, по-видимому, восходит к *katak xvatau* Сасанидского времени [21, с. 113]. Выделим лишь некоторые его значения, чтобы дать читателю возможность почувствовать «родство» отца семейства и отца нации в отправлении

ими властных функций. Данное наименование применяется и по отношению к социально-возрастной группе замужних женщин. Тогда оно звучит как *кайвону/кайбону* (лит. *кадбону* с первоначальными значениями «барыня», «госпожа», «госпожа дома и семьи»). В наше время *кайвону* употребляется в основном в значении мастерицы управления домом и семьей; преимущественно это предполагает значение «мастерицы прекрасных блюд (кулинарии)».

Термины *кастудо* и *кайвону* восходят к одной и той же древнеобщеперсидской основе «*кат*» (*кад, кед*), что значит «дом», «семья», «семейное образование». Поэтому мы можем допустить, что основное значение употребляемого в новое время термина *кастудо* — «мужчина», «муж», «хозяин дома», «глава семьи (семейного образования)». Также термин *кастуда* прилагался к старосте различных уровней, например, его отвлеченная форма *кастудочи* в словарях переводится как «должность сельского старосты» [18, с. 395]. Причем вторая часть анализируемого термина — «... *худа*» — в буквальном переводе означает «бог», «божество». В согдийскую эпоху во главе Бухарского владения стояла династия *бухар-худат*'ов. По-видимому, в Иране и в Центральной Азии был известен также термин *шахрхуда* в смысле «правитель области». В. В. Бартольд подчеркивает, что в мусульманский период идеальный *кадхуда* (*кедхуда*) в Средней Азии именовался «*кедхуда мира*» [5, с. 210]. В итоге мы имеем дело с целым конгломератом значений термина *кадхуда*. В этом семантическом сгустке — верховные владыки многих уровней. Они суть верховные владыки дома, семьи, семейной общины (рода, племени), квартальной общины, села, района, области, Бухары, страны, мира и неба. Становится ясно, из каких мыслительных источников черпает свое происхождение величание первых лиц (президентов) современных государств Центральной Азии, декларирующих идеи правового государства.

3. Культурно-политическая ориентация. Анализ политической жизни в государствах Центральной Азии (РТ, РУ) советского периода свидетельствует, что она несла в себе мощный пласт традиционной политической культуры. Это отчетливо можно было наблюдать на примере традиционного для социальной организации таджиков института *туи салладор*. Церемония *туи салладор* представляла собой своеобразный смотр населением *сарбоз*'ов (букв. «воинов») состоятельных и влиятельных лиц, который приурочивался к обряду обрезания сыновей. Колониальными властями эта церемония была запрещена, но обнаружила способность к воспроизводству в советскую эпоху.

Туй в лексике оседлого населения Центральной Азии означает семейное празднество по случаю семейных событий, в данном случае по поводу традиционного обрезания группы мальчиков. Расходы по организации угощения населения, а также устройству всевозможных

увеселений и зрелищ типа *туи салладор* брала на себя одна семья, обычно наиболее состоятельная. Это укрепляло авторитет ее главы в среде однообщинников. Он именовался падишахом или кази-судьей. *Туи* советского времени, конечно, не сопровождались «парадами воинов». Зато масштабы расходов на угощения и разного рода развлечения (например, устройство козлодрания — *улок/бузкаши*) возросли многократно. Стала популярной модель, при которой каждый очередной устроитель праздника старался не отставать или, еще лучше, превосходить предыдущего. Смысл соревновательности в помпезных *туях* был в том, чтобы прославиться самому и прославить сына, начиная с 5–7-летнего возраста. Большие *туи* стали устраивать руководители колхозов (*раис*) и вообще «первые лица» режима на местах. (Словом, представители новой власти, получившие ее «по счастливому сочетанию звезд», стали использовать запрещенные прежде механизмы традиции для укрепления собственного авторитета.

Положение *раисов* было двойственным. С одной стороны, они вроде бы выступали убежденными проводниками официальной идеологии, непримиримой к «пережиткам», с другой — оказывались во власти культурных традиций. Таким образом, новая идеология окрасилась в местный мировоззренческий колор. Эти данные в полной мере подтверждают справедливость высказанной В. В. Бочаровым точки зрения о воспроизводстве советскими руководителями стереотипов поведения, «характерных для традиционных лидеров или, во всяком случае, приписываемых этим лидерам» [6, с. 33]. Проявления традиционных поведенческих стереотипов наблюдались даже на высоком уровне партийно-государственной иерархии. Символы традиционной культуры использовались функционерами для укрепления своих властных позиций.

В результате представители властной элиты у таджиков в советский период стали восприниматься местным населением земельными и прочими собственниками по обычному праву. Празднества, которые они устраивали в соответствии с традицией, служили не только демонстрацией «богатства», они придавали ему легитимность в рамках таджикской культуры.

Новые хозяева осознавали, что как членам мусульманской общины (*уммат*; араб. *умма*) им полагается платить налоги (пожертвования) с имущества в пользу бедных (*закот*; араб. *закат*). Но в условиях, когда ислам был запрещен, они вынуждены были использовать механизмы традиции, в первую очередь *туи*. Устраиваемые празднества, таким образом, стали выступать в качестве своеобразного «ритуального очищения» собственности, которую они символизировали. Благодаря этому власть местной коммунистической элиты у носителей традиционной таджикской культуры обретала легитимность. Она продолжала

восприниматься как хозяин материальных ресурсов, как «кормилец». на чем, как мы помним, основывался авторитет главы семьи.

Показательно в этой связи, что в дни августовского (1991 г.) путча в Таджикистане некоторые коммунисты, бывшие активистами борьбы с исламом, резали баранов и звали людей на жертвенные угощения (*худои*) с целью умиловления мусульманских святых для помощи путчистам. Таким образом, они старались использовать мусульманскую обрядность для сохранения прежнего режима, который ассоциировался у преобладающей части местного населения именно с монополией власти на собственность. И сегодня одна из современных форм землепользования в РТ, определенной указом Президента Республики, крестьянами осмысленно называется «президентской землей». Демократы же, с точки зрения традиционного мировосприятия, лишены общественной собственности, а вместе с нею и атрибутов власти, которыми обладала бывшая коммунистическая элита (дома, дачи, лимузины, аппарат, институты поощрения, карательные институты и т. п.). Поэтому, стремясь стать собственниками, чтобы обрести авторитет у населения, они неизбежно попадают во *власть коррупции*. Иными словами, и в наше время «богатство» создает основу для почитания власти.

Устойчивость традиционной политической культуры проявляется и в этикетных формах. В частности, в ряде случаев имеет место использование традиционных титулов, что было запрещено сразу после установления советской власти. Например, нынешнего президента РТ величают *джаноби оли* («Ваше/Его Превосходительство»). О главе государства говорят также *калон* (букв. «большой», «великий»). Как отмечалось выше, *калон* применим также к главе современной семьи. В одной из песен, которую исполняет популярный в Таджикистане певец, Президент Республики воспевается как духовный руководитель нации (*имам* — от первой части имени Президента — *Имамали Рахмонова*). В Туркмении Президент славится едва ли не тенью Аллаха. Президент Узбекистана также часто именуется «отцом нации». Интересно и то, что главы современных областных и районных уровней власти в РТ и РУ именуются *хоким* («правитель», «владыка»). В Центральной Азии этим, арабским по происхождению, термином в досоветский период обозначались главы местных округов.

В то же время наблюдаются тенденции сохранения тех досоветских этикетных форм обращения во взаимоотношениях «старший — младший (по должности)», которые были переосмыслены (частично переиначены) в советский период. Так, нижестоящие чины и ранги вышестоящим обращаются, называя их *муаллим* («ученый», «наставник», «учитель»). Отметим, что в традиционном обществе авторитет *муаллима* был непререкаем. Существовал особый культ учителя-на-

ставника. Абсолютный авторитет муаллима приводил к личной подавленности учеников. *Муаллим* взыскивал с учеников порой без жалости. Он исходил из понимания, что пусть лучше ученик будет бит, пусть он плачет, чем останется дурным, не соблюдающим образцов установившихся принципов. Родители к этому относились терпимо. У таджиков существовала поговорка: «*Джабри устод бех аз меҳри падар*» («Строгость наставника лучше, чем отцовская ласка»). Средневековый моралист Са'ди по этому поводу писал: «Если наставник или учитель не строг, дети будут играть на базаре в “медвежонка”». Форма обращения в известной мере определяет и содержание отношения к власти. И сегодня младшие чины подчинены вышестоящим начальникам, не помышляя о собственном мнении или самостоятельных суждениях, находясь всецело во власти сановных «учителей». Отметим здесь же, что раньше отцы, приводя своих детей в традиционную школу (*мактаб*), учителю говорили: «*Хамин бачая гушташ а шумою пушту устухонаш — а мо*» («Мясо этого ребенка ваше, а кожа да кости — наши»). То же самое говорилось, когда они в первый раз приводили своих сыновей к начальнику традиционного «мужского дома».

Культура приписывает наставнику и учителю способность «духовного видения». «Духовный наставник — это не только советчик... но и ответчик за своего ученика перед Богом» (10, с. 171, 172). Отсюда и беспрекословное подчинение наставнику и обязательное исполнение всех его указаний. В Центральной Азии и сегодня встречается немало семей, которые имеют своих духовных патронов в лице *ишанов*. По мнению А. Б. Зубова, «о каком бы обществе ни шла речь... какой бы религиозной традиции мы ни касались, в любом случае практика духовного руководства, как бы она ни различалась внешне, обязательно строится на принципе послушания младшего старшему, мирянина аскету. Государственная власть в восточном традиционном обществе во многом подтверждает этот центральный аскетический принцип» (10, с. 173). Более того, нынешние властители активно пользуются услугами колдунов, знахарей и ясновидящих.

Современным чиновникам весьма импонирует, когда их называют *домулло* («большой ученый»). Этим подчеркивается то, что они являются авторитетами в области мусульманской науки и религии. Раньше этот термин закрепляли за почтенными стариками, компетентными в области ислама. Также является нормой, когда к чиновникам обращаются, используя арабское *раис* («голова», «глава»). Раньше так обращались к полицейским; *раис*, кроме того, был блюстителем нравственности. Дело в том, что по традиционным меркам не полагается обращаться к властным персонам по имени (или по имени и отчеству). Это было табуировано, как, впрочем, произнесение вслух имен мифологических богов [8].

Традиционные символы, которыми манипулируют современные чиновники, уходят своими корнями в семью как институт первичной власти и управления, в центре которого лежит сакрализованная фигура главы семейства. И в семье, и в государстве лидеры именуются владыками и посредниками между богом и людьми. Глава семьи традиционной культурой воспринимался отцом родственного коллектива, в то время как политический лидер — отцом нации. Итак, в данной культуре глава государства обречен воплощать собой выразителя патриархальных отношений. Поэтому данные руководители сохраняют лишь внешние атрибуты, характерные для демократического правления, которое по содержанию остается традиционным. Таджикская поговорка «Не отправляйся в путь без старца, будь ты даже Александром Македонским», часто адресуется главе государства. Это свидетельствует о том, что правитель продолжает восприниматься подданными как наставник, их духовный отец.

Нынешняя политическая элита в государствах Центральной Азии декларирует построение справедливого общества. Однако при ближайшем рассмотрении видно, что «справедливость» уходит своими корнями в популярные мифологические сюжеты, вплетенные в ткань политических образов классиков таджикско-персидской литературы. Здесь добрый и справедливый правитель выступает в качестве главного мифологического героя. Современные мифы, повествующие о богатстве и предопределенности как источника власти, рождаются по заказу из резиденций нынешних правителей.

4. Власть от предопределенности. Как известно, Тимур «ни обладал образованием, не знал даже грамоты» [2, с. 160]. Незнание происхождения многих лидеров большевиков — факт общеизвестный. Некоторые первые лица в Центральной Азии не умели даже расписываться под «своими» распоряжениями. Для этого им приходилось окунать палец в чернила. В этой связи люди обычно вспоминают Юлдаша Ахунбабаева (1885–1943) — председателя ЦИК Узбекской ССР (1925–1938 гг.).

По пришествии к власти Тимура была «создана легенда, будто его предки на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в смутный период, были полновластными эмирами при потомках Чингисхана» [2, с. 158]. Благодаря созданному мифу Тимур, выходец из монгольского племени *барлас*, в конце концов, прославился как *сохибкхирон* — «обладатель счастливого сочетания звезд». Ныне в Узбекистане ему воздвигнуты памятники, по замыслу воплощающие образ предка нации. Путь к власти открывают не только знатное происхождение и материальное богатство, но и бедность, а также простое происхождение. Об этом свидетельствуют исторические предания. Например, родоначальник династии Сасанидов — Сасан из рода Дария

был пастухом; он пас овец. Однако в мифе фигурируют образы барана, быка, лошади и хищных птиц, которые почитаемы иранскими народами в качестве воплощенных богов. Словом, Сасан уподобляется боже-ству. Подобные мифы носят универсальный характер. В древнегреческой мифологии пастухами являются не только будущие владыки, но и боги. Так, бог Гефест охраняет стадо коров, у царя Эрикса, сына Посейдона, имеется стадо коров [15, с. 139] и т. д. Итак, власть бедных также легитимна, если они богаты в духовном смысле. В этом отношении интересен рассказ современного таджика, зафиксированный мной в 1991 г. в Пенджикентском районе.

Предание повествует, что в стародавние времена неожиданно умирает правитель страны. Народу предстояло выбрать нового царя. Но дебаты затянулись, долгое время не удавалось достичь консенсуса. Тогда поступило предложение выпустить в воздух над собравшейся толпой птицу *куш* («сокол»). Мол, на чью голову куш опустится, тот и станет царем. Сокол облетел толпу раз, облетел два и сел на голову бедного человека, который зарабатывал себе хлеб тем, что таскал на спине вязанки колючки (*хор*) и продавал людям*. Толпа недоумевала, говоря: «Это недоразумение». Тогда решено было выпустить птицу во второй раз. Она парила, парила и снова опустилась на голову того же *горкаша* (букв. *таскатель колючки*). Люди требовали выпустить ее в третий раз. Результат оказался тот же. Тогда в прошлом *хоркаш* Айас был объявлен владыкой страны, который, согласно преданию, много сделал для ее процветания. Обветшалые сапоги Айаса из сыромятной кожи до конца его царствования висели на фасаде царского дворца. Они напоминали и властителю и подвластным: со всеми происходит то, что предопределено Небом.

В рассказе также содержится идея необходимости власти, так как безвластие ведет не только к анархии и беззаконию, но и к гибели человеческого рода. В Законах Ману говорится о царской дхарме: «Когда люди, не имеющие царя, расселялись во все стороны от страха. Владыка создал им царя для охраны всего этого (мира)» [10, с. 186]. Владыка — наместник бога, который призван, по словам Низами Ару-зи (XI–XII вв.), «поддерживать законы его и обычаи... затем, чтобы эти законы восстанавливать и эти обычаи скреплять, — а также, — утверждать толпу в строгости» [20, с. 35, 36]. В данном рассказе, как и в «Сокале», отражена концепция традиционной политической культуры таджиков. «Сокол» выражает как бы волю абсолюта при выборе владыки, который санкционирует власть последнего. В этом отрази-

* Вариант этого рассказа зафиксирован нами в устном повествовании современных таджиков на Зеравшане. На его основе строится женский обряд *биби чор-шубе* («святая дня среды»), который выполняется и в наше время по средам для нейтрализации негативного аспекта этого дня недели.

лось представление ираноязычных народов о богоизбранности власти. Выбор же птицей бедняка-дровосека иллюстрирует представление о божественной предопределенности. По исламу, «дела людские записаны на тщательно охраняемой скрижали еще до Сотворения мира» [17, с. 106]. По бытующим сегодня среди таджиков представлениям, человек рождается со скрытой печатью на лбу — *пешона*, знаки на печати называются *такдир* или *кисмат*. Считается, что эти знаки суть книга жизненного пути человека. Человек приходит в мир в тот час и уходит из него в тот час, как это установлено в книге (или знаками на лбу). Данное космогоническое представление из древних религиозных верований ираноязычных народов ныне воспринимается ими как один из догматов веры, относящихся к исламу.

Понимание власти как дара Неба отчетливо прослеживается в Бехистунской надписи в словах ахеменидского царя Дария [9, с. 262–263]. Александр Македонский прославился на Востоке как Искандар Зулькарнайн, т. е. Александр Двурогий. Рога же символизировали божественное происхождение [9, с. 14, 13, гл. 8, с. 1–27]. Древнюю традицию представлений о богоданности власти продолжил ислам, интегрировавший в том числе идеологические представления иранских народов. Еще долго после Пророка Мухаммеда истинным хозяином мусульманской державы признавался Бог. Даже имущество государства называлось божьим. Державой, как считалось в период ислама, следует управлять по книге Бога [5, с. 104]. Коран служил не только для богослужебных целей. Суд также должен был производиться по книге Божьей. Первоначально правитель *уммы*, т. е. мусульманской общины, именовался «халифат расул Аллах» — преемник посланника Господня. Халиф, «по ортодоксальным представлениям, не может происходить из клана курейшитов — клана Пророка». Вскоре, однако «эта идея заместила традиционную: правитель — пастырь бога» [10, с. 187].

В средневековье существовал взгляд на политику, согласно которому Пророк мыслится наместником Аллаха, *имам* — наместником Пророка, а падишах — наместником имама. Но знаменитый Фирдоуси оспаривает это. Он утверждает, что «Пророчество и шахство рядом, без сомненья, Как в перстне рядом драгоценные камни». Сам Пророк говорил: «Религия и власть — близнецы, т. е. вера и царство — друг брата-близнеца, кои и в форме, и в сути не имеют друг перед другом ни избытка, ни недостатка» [20, с. 36]. Саади по этому поводу высказывался, что «величие и власть» принадлежат Господу» [26, с. 83]. В другом месте средневековый писатель Саади устами некоего царя говорит: «Господь всевышний сделал меня владыкой этой страны» [Там же, с. 84]. Идея «власть от бога» находит свое отражение в системе титулатуры правителей средневековья или в текстах эпистолярной или

государственно-политической направленности. В них властелины восхваляются в формулах «Богом воспособляемый», «благороднейший во Вселенной», «Солнце небес» или «Да сделает Аллах вечным его возвышение» [20, с. 23].

Концепт предопределенности отчетливо фиксирует в сознании современных носителей культуры. Несколько лет назад я слышал расуждения мужчины (Самарканд) в салоне такси, о том, что если тень от крыла орла в полете падает на голову человека еще в детстве, тот, в конце концов, становится правителем страны (в Центральной Азии это достаточно известное представление). Мой сосед говорил об этом, указывая на родительский дом нынешнего Президента Узбекистана. Поразительно, что это представление иранцев было зафиксировано еще Геродотом в контексте восхождения к власти и управлению древнеиранского царя Кира Великого.

Особенность мифа еще и в том, что часто он скрывается в области подсознания, диктуя оттуда ту или иную модель поведения. Поэтому нынешним отцам патриархальных семейств в Центральной Азии, «гавшим и «отцами» своих народов благодаря «счастливому сочетанию звезд», не приходится особо беспокоиться о долголетию своих режимов. И в самом деле, эти лидеры «сочиняют» Конституции таким образом, что смена их власти, похоже, не произойдет до тех пор, пока не наступит санкция небесной инстанции на ее передачу «достойному» преемнику. Это же, несомненно, свидетельствует об устойчивости главных характеристик традиционной политической культуры народов данного региона, сохраняющихся даже в условиях кардинальных общественно-политических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Авеста* Избранные гимны / Пер с авест и коммент И М Стеблин-Каменского Душанбе, 1990
- 2 *Бартольд В В* История культурной жизни Туркестана Соч Т 2, ч 1 М, 1963
- 3 *Бартольд В В* История Туркестана Соч Т 2, ч 1 М, 1963
- 4 *Бартольд В В* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке Соч Т 2, ч 2 М, 1964
- 5 *Бартольд В В* Ислам после Пророка Отделение церкви от государства (уна Пророка Соч Т 6 М, 1966
- 6 *Бочаров В В* Этнография и изучение политических традиций общества // ов этнография 1989 №3
- 7 *Виноградов Г* Народная педагогика Иркутск, 1926
- 8 *Грюнберг А Л, Рахимов Р Р* Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии М, 1988
- 9 *Дандамаев М А* Иран при первых ахеменидах М, 1963
- 10 *Зубов А Б* Парламентская демократия и политическая традиция Востока М, 1990

- 11 *Кисляков Н А* Семья и брак у таджиков По материалам конца XIX — начала XX в // Тр Ин-та этнографии АН СССР Нов сер Т 44 М, Л, 1981
- 12 Книга деяний Ардашира сына Папака / Транскр текста, пер со среднеперс, введ, коммент глосс О М Чунаковой М, 1987
- 13 Книга Пророка Даниила
- 14 Коран / Пер, коммент И Ю Крачковского 2-е изд М, 1986
- 15 *Кун Н А* Легенды и мифы древней Греции Душанбе, 1988
- 16 *Лухонин В Г* Древний и раннесредневековый Иран Очерки истории культуры М, 1987
- 17 *Массэ А* Ислам Очерк истории / Пер с фр М, 1962
- 18 *Миллер Б В* Персидско-русский словарь М, 1960
- 19 *Моногарова Л Ф* Структура современной городской семьи таджиков (По материалам городов Ура Тюбе и Исфары) // Сов этнография 1982 №3
- 20 Низами Арузи Самарканди Собрание редкостей, или Четыре беседы М, 1963
- 21 *Периханян А Г* Общество и право в парфянский и сасанидский периоды М, 6 г
- 22 *Плутарх* Застольные беседы Л, 1990
- 23 *Ратимов Р Р* Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины // Ономастика Средней Азии М, 1978
- 24 *Ратимов Р Р* *Кадтудо* от бога дома до Бога Мира // Материалы Междунар конф 28–29 апреля 1999 г СПб, 1999
- 25 *Ратимов Р Р* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков Л, 1990
- 26 *Саади* Гулистан / Крит текст, пер предисл и примеч Р М Алиева М 1959
- 27 *Унсуралмаали Кайкавус* Кабуснаме // Энциклопедия персидско-таджикской прозы Душанбе, 1986
- 28 *Франк С* Духовные основы общества Введение в социальную философию // Русское зарубежье Л, 1991
- 29 *Шахермайр Ф* Александр Македонский / Пер с нем М, 1984